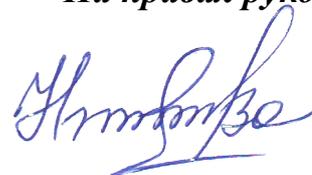

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМЕНИ АКАДЕМИКА
БАХОДУРА ИСКАНДАРОВА**

На правах рукописи

НАЗАРШОЕВА ЧИЛЛА РАХИМБЕКОВНА

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
ЛЕКСИКИ РОДИЛЬНОГО ОБРЯДА ШУГНАНСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (памирские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ХОРОГ – 2022

Работа выполнена в отделе памирских языков Института гуманитарных наук имени академика Баходура Искандарова Национальной академии наук Таджикистана

Научный руководитель: Некушоева Шахло Саиднуриддиновна, кандидат филологических наук, заместитель директора по науке и учебной части Института гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова

Официальные оппоненты: Шамбезода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук, профессор, проректор по науке и инновациям Межгосударственного образовательного учреждения «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Насриддиншоев Азатшо Насратшоевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом науки и инновации Хорогского государственного университета имени М. Назаршоева

Ведущая организация: Институт языка и литературы имени Рудаки Национальной академии наук Таджикистана

Защита диссертации состоится 28 декабря 2022 г. в 14:00 часов на заседании Диссертационного совета Д. 73.1.015.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана (736000, г. Хорог, улица У. Холдорова 1).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им. Индиры Ганды Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33) и на сайте Института гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана (www.ign.tj)

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

**Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук**

Некушоева Ш.С.

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Изучение языка через призму традиционной и духовной культуры и её отражение в языке имеет практическое значение для изучения истории языковой эволюции, его взаимосвязи с другими языками, что в последние годы стало предпосылкой возрастания исследований в этой области.

Этнолингвистическое изучение лексико-грамматических единиц языка является относительно новым направлением в научном исследовании памирских языков, и оно тесно связано с различными аспектами культуры, сознания, психологических мотиваций, духовного мира, а также традиционных знаний и навыков в языках народов Памира.

Диссертация посвящена этнолингвистическому изучению лексики родильного обряда шугнанцев, живущих на Западном Памире Горно-Бадахшанской Автономной Области. На современном этапе развития мирового сообщества, с одной стороны, стремительное развитие современной науки и технологии, прогресс во всех сферах жизни, особенно в медицине является важным и необходимым фактором для улучшения качества жизни людей, с другой стороны, под таким быстрым натиском многие культурные ценности и традиции, особенно народные обычаи родильного обряда находятся на грани вымирания. Стремительная глобализация мирового сообщества, исчезновение духовных границ между культурами становятся предпосылкой для трансформации традиционных подходов на разных жизненных циклах, а также причиной исчезновения ряда языковых единиц, что в свою очередь способствуют утрате исконной лексики шугнанского языка. С этой точки зрения, сохранение и научный анализ отраслевой и обрядовой лексики шугнанского языка отражает актуальность и важность темы настоящей диссертационной работы.

Традиционные знания, связанные с рождением ребёнка, прошедшие долгий период формирования и практиковавшиеся на протяжении многих веков в кругу семьи, рода и народности, а также отражавшие уникальные ценности этноса, сегодня уступают свое место прогрессивной современной науке и технологии, инновационной медицине. Время, когда женщины рожали детей в домашних условиях и воспитывали их в традиционной среде, основанной на наследственных ценностях, сегодня считается пройденным этапом и рождение ребёнка также как и его воспитание относятся к социальным процессам. С этой точки зрения, в рамках данной научной работе описание и изучение традиционных знаний родильного обряда шугнанцев в области этнолингвистики на данном этапе развития общества составляет еще одну актуальную сторону выбранной нами темы. Данный пласт лексики шугнанского языка имеет тесную связь со спецификой стили жизни и родильно-семейной обрядностью шугнанцев. Поэтому, этнолингвистическое изучение лексики, связанное с рождением ребёнка считается важной не только с лингвистической точки зрения, но и охватывает этнографические и исторические стороны жизни названного народа.

Степень изученности темы исследования. Историю изучения шугнанского языка можно разделить на несколько этапов: 1) до Октябрьской Революции, 2) период правления Советского Союза, 3) современный этап изучения шугнанского языка. На первом этапе со стороны исследователей и путешественников была предоставлена базовая информация по лексике и грамматике шугнанского языка. Такие исследователи Памира, как Р. Шоу, Д.Л. Иванов, Г. Залеман, В. Гейгер,

наравне с изучением региона, собирая информацию по шугнанскому языку, издавали словари и грамматические очерки.

На втором этапе изучения памирских языков, в том числе изучение шугнанского языка в науку вошел в качестве отдельного сектора иранские языки. Наравне с этим именно на данном этапе с целью изучения памирских языков формировались специальные научные центры. В это время были начаты фундаментальные исследования по направлению описания фонетики и изучения исторической фонетики, описания грамматики, изучения особенностей грамматических единиц и т.п., что впоследствии стало предпосылкой для появления кандидатских и докторских диссертаций. В этом направлении можно упомянуть фундаментальные работы И.И. Зарубина, М.С. Андреева, В.С. Соколовой, Г. Моргенстиерне, Д. Карамшоева, Р.Х. Додихудоева, Т. Бахтибекова. В последующие годы появились работы по отдельным вопросам лексики и грамматики шугнанского языка таких ученых, как Ш.П. Юсуфбекова, Ш. Мирзоева, З.М. Миршакаровой, Л.Р. Додихудоевой.

На третьем этапе изучения шугнанского языка широко развивалось этнолингвистическое направление, где можно упомянуть имена М.М. Аламшоева, М.К. Броимшоевой, Ш.С. Некушоевой, П.Ш. Абдулхамидовой и других.

Следует отметить, что родильные обряды шугнанцев также отражены и описаны в работах таких историков, этнографов и фольклористов как М.С. Андреева, З. Юсуфбековой, Т.С. Каландарова, Г.А. Рахматуллоевой.

Цель и задачи исследования: Основной целью данной диссертационной работы является всесторонний этнолингвистический анализ лексики, связанной с родильным обрядом в шугнанском языке. Для осуществления поставленной цели рассматривались следующие задачи:

- определение связи языковых и неязыковых (этнографических, фольклорных, мифологических) факторов родильного обряда;
- выявление путей и методов отражения в языке ритуалов, связанных с родильным обрядом шугнанцев;
- проведение тематико-семантической классификации слов;
- определение происхождения лексики родильного обряда;
- выявление языковых особенностей фразеологии родильного обряда;
- определение особенностей ритуалов родильного обряда шугнанцев;
- выявление путей словообразования и фразообразования родильного обряда в шугнанском языке.

Предмет исследования – изучение лексики и фразеологии, связанной с рождением ребёнка в шугнанском языке на материале этнографических работ и собственных записей и наблюдений автора.

Объектом исследования данной работы послужил языковой материал, связанный с родильным обрядом шугнанцев в тесной связи с процессами и методами проведения различных ритуалов и их участников.

Основные материалы исследования. Основой нашего исследования послужили материалы, собранных в результате бесед и опросов среди населения, был использован лексический материал, связанный с этой традицией, из трёхтомного шугнанско-русского словаря профессора Д. Карамшоева, а также лексические материалы, содержащиеся в фольклорных и этнографических работах Фонда Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана. Полевые материалы были собраны в

форме как индивидуальных, так и групповых интервью, что способствовало объективному исследованию и, дал хорошие результаты.

Научная новизна. Данная работа представляет собой первый опыт комплексного анализа лексики родильного обряда шугнанского языка с последующим определением его лексико-семантических групп. Впервые были определены пути и методы отражения культурных ценностей родильного обряда в шугнанском языке. Проведен комплексный анализ лексических единиц родильного обряда шугнанского языка и частично выявлены параллели с другими памирскими языками. Наравне с анализом лексических единиц родильного обряда приводятся тексты, описывающие соответствующие традиционные ритуалы. Тем самым в научный обиход ввели новые этнографические и этнолингвистические материалы родильного обряда шугнанского языка.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что научные выводы данного исследования в области родильной обрядности будут способствовать изучению этнолингвистических вопросов, особенностей материальной и духовной культуры, отраженные в памирских, и в целом в иранских языках. Теоретические основы настоящего исследования могут быть использованы при изучении исторических эволюций памирских языков.

Практическая ценность данной работы определяется тем, что её результаты могут быть использованы при составлении этнолингвистических учебных пособий по истории памирских языков, этнографии и краеведения. Отдельные части диссертационной работы могут быть использованы при проведении спецкурсов и семинаров по культурологии, этнографии, лингвистике, раскрытии вопросов этнолингвистики иранских языков, с целью демонстрации отражения особенностей культуры в языке.

Методы исследования. Основными методами проведения исследования в данной диссертационной работе являлись анкетирование, беседа, методы описания и компонентный анализ, сравнительно-описательный метод, а также метод дистрибутивного анализа лексических единиц. В ходе анализа большинства лексических единиц автор прибегает к методу этнолингвистического описания, касающихся явлений и обрядов.

Теоретическая и методологическая база исследования являются труды отечественных и зарубежных лингвистов и этнографов по изучению традиции и обрядов народов Средней Азии, в том числе таджиков. В диссертационном исследовании использовались труды специалистов по различным вопросам этнолингвистики памирских языков и этнографии горных таджиков. Теоретическую базу исследования составляют труды лингвистов и этнографов, в том числе И.И. Зарубина, М.С. Андреева, З. Юсуфбековой, Т.С. Каландарова, Д. Карамшоева, Т. Бахтибекова, Р.Х. Додыхудоева, Ш. П. Юсуфбекова, М.М. Аламшоева, З. Назаровой, Л.Ф. Моногаровой, Р.Л. Неменовой, И.А. Кислякова, А.К. Писарчик, А.З. Розенфельд, С.К. Матрובה, П.Ш. Абдулхамидовой, Ш.С. Некушоевой, М.К. Броимшоевой и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

- лексика родильного обряда своими корнями уходит в далекое прошлое истоки из культуры древних арийцев;
- лексические единицы ритуалов родильного обряда в шугнанском языке обладают богатой этнолингвистической информативностью, отражающей материальные и духовные, культурные ценности шугнанцев;

— лексика родильного обряда обладает большим количеством табуированных лексических единиц, в большинстве случаев выраженных метафорическими формулировками;

— лексика родильного обряда шугнанского языка богата лексическими единицами и терминами народной медицины, где отражены методы и пути народного знахарства сферы родильного обряда;

– одним из особенностей лексики родильного обряда шугнанского языка является наличие богатого ряда синонимии, которые характеризуются ситуативными применениями составных единиц этих рядов;

— родильные обряды и ритуалы данной сферы в этнографических источниках разных этнических групп наравне с культурными и социальными различиями демонстрируют много общих параллелей.

Личный вклад исследователя. Работа является следствием самостоятельного исследования автора от постановки цели и задач работы, разработки структуры до методического обеспечения исследования: соискателем впервые собрана и систематизирована шугнанская лексика, связанная с рождением ребёнка.

Апробация диссертации. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании отдела памирских языков Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова НАНТ (протокол № 4 от 24 мая 2022 г.).

Основные положения и выводы диссертационной работы были обсуждены на собраниях и спецсеминарах отдела памирских языков Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана. Некоторые положения диссертации были представлены в качестве докладов на ежегодных международных и республиканских конференциях.

Основные положения диссертации изложены в 10 статьях автора, в том числе 4 из них напечатаны в научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации. Список данных статей приводится в конце автореферата.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует специальности 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (памирские языки). Диссертационное исследование соответствует пункту 6: Лексический строй языка или языковой семьи (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология и их связи с внеязыковой действительностью) и пункту 11: Исследование уровневой культурно- (или национально-) обусловленной сообществами представителей конкретного языка или языковой семьи этой научной специальности.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, в целом составляющий 187 печатных листов.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, рассматриваются степень её изученности, источниковая база, определяются цели и задачи исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Кроме этого, во введении раскрываются

теоретические вопросы, связанные с этнолингвистическим исследованием терминов материальной культуры.

Первая глава «Лексические и синтаксические единицы, отражающие беременность и рождение ребёнка» состоит из четырех разделов, первый из которых «Лексические единицы, выражающие понятие *ḡinik* – «женщина» и *be-ziryot-i* – «бесплодие» в шугнанском языке» посвящен анализу соответствующих терминов через призму мировосприятия и миропонимания шугнанцев. Для обозначения понятия *ḡinik* – «женщина» в шугнанском языке наблюдаются ряд синонимических единиц, ситуативное использование которых отражает отношение данной этнической группы к разным статусам женщины: *ḡās* – «девушка», *ḡinik* – «женщина», *ḡinik* – «беременная», *be buc* – «бездетная». Большинство слов шугнанского языка, обозначающих женщину или мужчину восходят к корням *ḡin* – «жена» и *ḡor* – «муж», образованное, например, из первого корня *ḡinik* – «женщина» в супружеских отношениях определяет *ḡordor ḡinik* – «замужнюю женщину» и её семейный статус. В шугнанском языке данное слово исключительно использовалось в отношении *ḡordor ḡinik* – «замужней женщины», согласно же этическим нормам шугнанцев слово *ḡinik* – «женщина» не принято использовать в отношении взрослой *beḡor* – «незамужней женщины» до определённого возрастного периода, так как подобное его использование являлось признаком невежливости по отношению незамужней женщины. В отношении взрослой девицы, как правило, использовали формулировку *ḡula ḡās* – «взрослая девушка».

Слова для обозначения понятия женщина вопреки тождественности их значений, характеризуются особыми ситуативными применениями. В этот синонимичный ряд тождественных по значению слов входят следующие единицы: *ḡinik*, *kaxoy*, *awrat*, *awratīnā*, *walāmat*, *yaḡ-at nān* – «женщина», последнее из которых является сочетанием слов *yaḡ* – «сестра», союз *at* «и», *nān* – «мать». Эти единицы отличаются оттенками значений в зависимости от возрастной категории, статуса женщины в семье, взаимоотношений членов семьи и т.п., и носят эмоционально-экспрессивный характер. Ситуативное применение лексем данного синонимичного ряда обусловлено разными этапами социальной жизни шугнанцев, некоторые из которых на данном этапе развития шугнанского языка пополнили пласт архаизмов, в том числе лексемы *awrat*, *awratīnā*, *walāmat*. Две другие лексемы *kaxoy* и *yaḡ-at nān* встречаются в речи относительно старшего поколения, что говорит о скором исчезновении и этих слов. Следует упомянуть, что подобная утрата лексических единиц шугнанского языка характерна не только родильному обряду, но и всему языку и культуре в целом, что является закономерным процессом развития, как малых, так и крупных языков мира.

Использование слов *awrat* и *walāmat*, что демонстрирует знак глубокого уважения по отношению женщины и наблюдается только в речи людей преклонного возраста. Заимствованное из арабского слово *walāmat* - *ولينعت* [valine'mat] «благодетель», «хозяин», «благодетель» [22, 263], согласно слов информантов и научных источников имеет особое ситуативное применение, и использовался относительно женщин аристократического или религиозного происхождения. Соответствие значениям другого заимствованного из арабского *awrat* - *اورت* [awrat] – «женщина», «жена» [22, 35], мы находим и в словаре Карамшоева Д. В шугнанском языке использование данного слова можно наблюдать в сочетании суф. –*īnā*, которое придает ему значение рода: *di-ta awratīnā na-lākiḡt* – «этого женщина не допустить» [11, 48].

Аналогичный ряд синонимов в шугнанском языке наблюдается и для обозначения бесплодной, бездетной женщины, который характеризуется присущим

ему семантическим оттенком и ситуативным применением, чем самым по-разному демонстрирует отношение носителей шугнанского языка к бездетной женщине. Данный синонимичный ряд отличается тем, что единицы, входящие в этот ряд, являются словосочетаниями. Здесь мы наблюдаем сложение двух или более слов шугнанского языка, служащие для обозначения *be buc* – «бездетной» и *beziryot* – «бесплодной женщины». Этими синтаксическими единицами, ярко демонстрирующие положение бездетной женщины в среде шугнанцев, являются: *bebārā kaḥoḥ* – «бесплодная женщина», *xiḥk kaḥoḥ* букв.: «сухая женщина, *xiḥk redow* букв.: «остаться сухой» *be buc kaḥoḥ* – «бездетная женщина», *be bāč kāč* – «бездетная». Отсутствие лексических единиц, указывающих на бесплодие мужчин в шугнанском языке, свидетельствует об одностороннем подходе к вопросу *beziryot-i* – «бездетности», т.е. аналогично многим другим традиционным обществам, среди шугнанцев не принято обвинять мужскую сторону в бесплодии.

Во втором подразделе первой главы «Лексические и синтаксические единицы для обозначения *buḥuz ḡinik* – «беременной женщины» и понятия *buḥuz-i* – «беременность» анализируются лексические единицы, посредством которых определяли статус *buḥuz ḡinik* – «беременной женщины». Большинство лексем для обозначения понятия *buḥuz* – «беременная» являются культурно-маркированной лексикой, которые непосредственно хранят в себе информацию о специфических чертах культуры данной языковой общности, в числе которых проявляется ряд единиц с негативной маркировкой. Примером негативно-маркированных лексем могут послужить такие лексические единицы синонимичного ряда для упомянутого понятия как слово *buḥuz* «беременная» и синтаксическое образование *qīč qati widow* букв.: «быть с животом». Следующие единицы данного ряда носят оценочный характер: *qād-and kūdak dēdow*, также его вариант *wam qād-and yast* – «в утробе младенец» (букв.: в росте младенец). К словам с более вежливым оттенком для обозначения беременности в шугнанском языке относятся единицы *dujūn* – «двудушная», *lozaki* – «беременная», *wazmīn* – «тяжелая», *zalūldor* букв.: «иметь нужду, необходимость», *umedwor* – «надеющаяся».

Исследование вопроса показывает, что среди равнинных таджиков, в том числе таджиков Каратегина и Дарваза, а также долины Варзоб для определения состояния беременности также наблюдается употребление вышеупомянутых лексических единиц. У таджиков долины Варзоб понятие беременная именуется словами *buḥuz*, *wazmīn*, *umedwor* [21, 135].

Ряд лексических единиц отражают стремление носителей шугнанского языка к преждевременным предсказаниям пола ребёнка в утробе матери. В частности, шугнанки определяли пол ребёнка, будучи в утробе матери путем внешних физических изменений беременной женщины, а также производились гадания на разных предметах. Выражение *vūz-at tar piro qīč* – «овальный выпуклый вперед живот» указывает на физиологические изменения беременной женщины, которые согласно поверьям шугнанцев являются прямым подтверждением рождения мальчика, однако выражение *buḥuz ḡinik pūḡč-at virūy rixtow* – «выпадение у беременной женщины бровей и ресниц» является показателем рождения девочки, что в народе обосновывается тем, что девочка отбирает красоту у своей матери. О подобном поверье свидетельствуют и широко используемые формулировки *nān sūrāt-ta yācbačā ti ded* или *rizin-ta nān sūrat zēzd //* красота мамы уходит к дочке или дочка отбирает мамину красоту. В соответствии с убеждениями данной этнической группы появление пятен на лице (*pīc tofč dēdow*) беременной женщины также

свидетельствует о рождении девочки, так как здесь тоже на лицо порча внешнего вида будущей матери.

Третий раздел первой главы «Лексика и синтаксические единицы, отражающие этапы беременности, рода и послеродового периода» посвящен анализу соответствующих этим периодам единиц. Рождение детей в браке, независимо от их количества и пола, всегда сопровождался радостью. Ряд фразовых единиц шугнанского языка отражают именно подобное положительное отношение членов семьи к существованию ребёнка в семье. Таковыми единицами, которые показывают важность и значимость ребёнка в семье являются *kūdak xūna-ndi poṭxo* – «ребёнок в семье — царь», *kūdak barakat-i xūnā* – «ребёнок благодать семьи», *kūdak čīd-and di vud, yam-and yebat nist* – «если в семье есть ребёнок, там нет сплетен // болтовни».

Однако, аналогично всему исламскому миру согласно нравственно-этическим нормам шугнанцев женщина, родившая ребёнка вне брака – «*beniko*», не только изгонялась из семьи, но даже от неё отворачивался весь род. Ребёнок, родившийся вне брака, в шугнанском языке называется *sand*, а дериват данного слова *sand-vor* используется для определения женщины, родившая такого ребёнка букв.: «родившая вне брачного ребёнка». Метафорическое выражение шугнанского языка *kāl-and gul dēdow* – букв.: «цветок воткнуть в голову (волосы)» с переносным значением «опозорить», «подвести» имеет сильное, глубокое значение запятнанной чести и до сих пор широко используется среди шугнанцев. Внутреннее семантическое значение данного выражения указывает на то, что такая женщина опозорить род, семью, отца, брата. Поэтому девочек с ранних лет старались воспитывать, основываясь на жестких рамках этикета и поведения в семье и обществе.

Семантический анализ ряда выражений и фраз шугнанского языка демонстрируют традиционные знания относительно опасности появления на свет недоношенного ребёнка, примером для чего являются следующие выражения: *wūvd mēst-ūnj kūdak-ta zindā rist* – «семимесячный ребёнок останется в живых» или *waxt-mēst-ūnj kūdak-ta ačaf na-rist* – «восьмимесячный ребёнок никогда не останется (в живых)». Недоношенный семимесячный младенец в шугнанском языке представлен номинативной единицей *nofirīpt* – «недозрелый», т.е. недоношенный, который в родильном обряде указывает на рожденного ребёнка в возрасте семи или восьми месяцев. Формулировки *moyi rūyan nofirīpt bačā-yard moltow* – «смазывать незрелого (недоношенного) ребёнка рыбьим жиром», *nofirīpt bačā namad-and dēdow* – «заворачивать незрелого (недоношенного) ребёнка в кошму», *kicor-gāl-ti gārm-and nofirīpt bačā nigā čīdow* – «держат незрелого младенца на краю очага», т.е. на тёплом месте, свидетельствуют о том, что в противовес рождения недоношенного ребёнка формировались соответствующие методы ухода за ним. Термин родильного обряда *gūxt sipentow* букв.: «набирать мясо», т.е. набирать вес используется в отношении недоношенного худого ребёнка. Глагол *sipentow* встречается и в других памирских языках с различными семантическими оттенками: шугн. руш. *sipen-*, барт. *sipon-* – «лить, наливать», язг. *sepin-* – «наполнить, заполнить», «толстеть, полнеть», ишк. *s[i]pin-* – «наполнить, заполнить» [13, 316].

Синонимичная пара *mēst dedow* – «наступление месяца» и шугн. *mēsta-dez* и руш. *mēstindayj* определяют период наступления начало родов, т.е. последний месяц беременности и носят эмоционально-экспрессивный характер, заключающийся в том, что оба синонимов отражают тревогу родственников беременной накануне

родов с семантическим оттенком проявления большей заботы беременной женщине. Согласно словарю Д. Карамшоева слова интерпретированы как ожидающая ребёнка [12, 230].

Анализируемый языковой материал показывает, что раньше женщины в силу отсутствия регистрации дня рождения ребёнка, запоминали время своих родов в зависимости от какого-либо природного события или явления. Поэтому в лексике родильного обряда шугнанского языка образовался ряд различных выражений и формулировок, которые посредством природных и бытовых явлений отражают время рождения ребёнка. Таковыми формулировками являются *žindam-zow-and* – «во время жатвы пшеницы», *čillayi zimistun-and* букв.: «в зимнее сорокадневье», то есть в период зимних холодов, *xūmiyi buor-and* букв.: «в период незрелой весны», т.е. ранней весной, в начале весны, *gul-žikuft-and* букв.: «когда распускались цветы», *subāyaš/subidam-aš* – «ранним утром», *widobak-and* – «в первой половине дня, после восхода солнца», посредством которых по истечению долгого периода женщины описывали время рождения своих детей. Рождение ребёнка во время жатвы пшеницы – «*žindam-zow-and*» приходится на середину сентября. Так, одна относит рождение своего ребёнка к периоду *pīnj-šūj* букв.: «очищение проса от сорняков», другая к *xidīr-ayūm* букв.: «большой праздник», т.е. к празднику Навруза, а третья к периоду *woš-zow* «покоса травы» или *(h)amaxūmbāz* букв.: «поспевание всего неспелого», т.е. к августу, когда все фрукты и овощи поспевают и так далее.

Ряд выражений шугнанского языка демонстрируют веру шугнанцев в то, что сам процесс родов сильно зависит от душевного склада, характерных черт и нрава беременной женщины. До сих пор среди шугнанцев бытует вера в то, что если у женщины роды проходят быстро и легко, то она хорошая женщина, с чистым внутренним миром. Подобное понимание данного вопроса можно наблюдать в семантике следующих формулировок: *ba xosiyataš vīdow* букв.: «благостно родить», *ošūnaš vīdow* букв.: «легко родить», *bačā tulu ar wam zūy vudi* букв.: «ребёнок как будто был у неё в рукаве», *sari čālak vīdow* букв.: «рожать на краю *čālak-a* (*čālak* – узкие нары перед очагом традиционного памирского дома, которые являются традиционным местом во время домашних родов. Ряд других выражений говорят об обратном, т.е. если у женщины трудные роды, то значит у неё душа и помыслы нехорошие. К таким высказываниям можно отнести следующие единицы: *ziriyot vīd-ti qīn sidow* – «мучиться при родах», *kūdak bayelā vīdow* – «родить с большим трудом», *xu tar semen vīdow* букв.: «рожать (ребёнка) через глаза» *xu nān wīntow* букв.: «увидеть свою мать», *ba yi azob vīdow* – «родить с большим трудом», *dam dil gandā* – «она душой нечиста» и т.п. Семантический анализ данных выражений показывает, что они являются негативно маркированными единицами. Все вышеперечисленные единицы имеют метафорические значения, отражающие трудные роды. Закруглять данную цепь негативно маркированных выражений может следующее широко распространённое высказывание шугнанского языка: *šīnik tīnat ta ziriyot vīdand mālum šūd* букв.: «натура женщины раскрывается при родах». Таким образом, роды для шугнанцев являлись основой для рассуждения о характере, как *zečā* – «роженицы», так и *kūdak* – «новорожденного». От конечного результата родов зависело описание душевных черт матери и её ребёнка. Изобилие формулировок для определения характера женщины говорит о том, что родильная обрядность имела немаловажное место в жизни носителей шугнанского региона.

Поздравительными формулировками в честь рождения ребёнка в шугнанском языке являются эмоционально-экспрессивные выражения *muborak turd*

/ *muborak vid* букв.: «будь благословенно», где арабизм *muborak* является заимствованием посредством таджикского языка. Формулировки *muboraki tīrandoz* – «поздравляю со стрелком» и *muboraki alwopaz* – «поздравляю с рождением мастерицы халвы» являются характерными формами поздравления с рождением ребёнка среди шугнанцев, первая из которых отражает рождение сына, а второе дочери. Как рождение сына, так и дочери сопровождалось характерными ритуалами, первое сопутствовалось выстрелом из оружия с крыши традиционного дома – весть о рождении охотника, а второе сопровождалось вынесением прялки на улицу и вешанием ее на ветку дерева [24, 87, 3, 52; 10, 80]. Первого, кто принесёт эту благую весть отцу ребёнка или другим родственникам, называют лексемой *mūyдахoуgār* букв.: «приносящий благую весть», которая является заимствованием с шугнанским адаптацией из таджикского «мужда». Слово *mūyдахoуñā* – «вознаграждение за благую весть» указывает на вещь или предмет, который требуется от адресата при сообщении благой вести: *tu mūyдахoуñā dāk tund puc/rizīn sut* букв.: «дай мне мое вознаграждение, у тебя родился сын/дочь». В шугнанско-русском словаре Д. Карамшоева другими формами слова являются *mūyдахoуi-kunīj* или *mūyдахoуi-kinīj* [12, 267], использование которых реже наблюдается в речи носителей языка. И.И. Зарубин, указывая на данный обряд местных жителей, отметил, что в кишлаке Рошорв в Бартангской долине *mūwdaxōgār* (ш. *mūyдахoу(i)gār*) это человек, который первым выполняет действие *sipīd čīdow* – «первое кормление ребёнка сливочным маслом».

Ряд формулировок шугнанского языка отражают своего рода традиционные руководства для правильного поведения на период беременности. Метафорическое выражение *xu dust yet lākčīdow* букв.: «держат руку открытой» обозначает делать добро, т.е. роженице следует делать добро в течение всего периода беременности, чтобы исход родов был хорошим. Выражение *dust-ti dēdow* букв.: «класть в руку» отражает ритуальное действие, которое заключается в том, что, если роды проходят тяжело, то в руку роженицы кладут что-либо (лепешку, деньги, и т.п.), выносят его из дома и отдают первому попавшему человеку, чем самым совершают ритуал пожертвования от имени роженицы, с целью облегчения ее родов. Выражение *nimūyat zūyat dawo mā-čīdow* букв.: «не ругаться и не проклинать» предполагает совершение всех хороших дел, продиктованных нам человеческой моралью. Согласно данной формулировке женщина на период беременности должна придерживаться хороших манер общения с окружающими ее людьми и не злословить.

В родильном обряде шугнанцев определенная система действий магического характера, направлена на защиту матери и ребёнка во время родов. Выражение *χā-sitan vīstow* отражает ритуал, основанный на завязывания вокруг главного столба традиционного памирского дома красную нить — пряжу, чтобы остановить пагубное воздействие любого, кто входит в дом во время родов. Выражение *vorj lajūm buč-kayīj-ti ribīdow* букв.: «повесить на *buč-kayīj* (деревянная поперечная доска между двух столбов в памирском доме) конскую уздечку» смысл данного магического обряда заключается в том, что согласно поверьям шугнанцев уздечка лошади обладает магической силой отгонять злых сил. Сложным глаголом *sitiraxm veddow* – «окуривать душистую траву» именуется обряд окуривания помещения каждый вечер в течение недели после рождения ребёнка, посредством которого, согласно поверьям шугнанцев, отводятся *dew-at jin* – «нечистые силы» от дома.

В четвертом разделе первой главы «Лексико-синтаксические единицы, отражающие статус ребёнка и отношение к ребёнку» анализируются лексические единицы родильного обряда, отражающие значимость и ценность детей для шугнанской семьи, влияние наличия и отсутствия ребёнка на статус женщины. Выражения *kaḫt (žindam) ar niwenc bīrej ŷīptow* – «посыпать в постель невесты пшеницу», *niwenc dūmān-ti kūdak ribīdow* – «класть ребёнка на колени невесты», *serfarzand kaxoy niwenc-at ḫunči bīr weddow* – «многодетная женщина застыла постель жениха и невесты» являются широко распространённые ритуальные действия среди шугнанцев и отражают магическую передачу качеств лиц или бытовых предмет невесте. Все эти обрядовые действия, которые и по сей день не утратили свою значимость, направлены на содействие скорейшего появления в семье детей. Значение другого выражения шугнанского языка *kūdak sado-yaḡ wef čīd-and nist* – «даже голоса ребёнка в их доме нет» еще глубже демонстрирует ценность семьи с присутствием детей, ибо последнее выражение при наличии усилительного суффикса *-yaḡ* в составе слова *sado* «голос» придает данному высказыванию сострадательный, пренебрежительный оттенок.

Синонимический ряд слов для обозначения понятия ребёнок в шугнанском языке характеризуется наличием нескольких лексем, среди которых наблюдается общеупотребительное слово, исконные и заимствованные слова. Общим словом является *ziryot* «ребёнок, потомок, дети», который вместе с лексемой *kūdak* и две другие лексические единицы данного ряда *buc balā* и *bāč kāč* являются общеиранскими.

Ряд лексем шугнанского языка, зачастую метафоризация, которых происходило на уровне их сравнения с частями тела человека, ярко демонстрируют отношение шугнанцев к своим детям. Ребёнок – «*ziryot*» в жизни каждого родителя является надеждой и источником счастья в семье. Небезосновательно отождествление ребёнка в шугнанском языке с двумя важнейшими несознательное человеческими органами — *dīdā* – «глаз» и *jigār* – «печень», а также с понятиями *jūn* – «душа», *jūn at jigār* – «душа и печень». Все три лексемы в миропонимании шугнанцев обозначают понятия, которые играют существенную роль во внутреннем развитии и существовании человека, в их понимании эти понятия дополняют человеческую суть. Если анатомически глаз, является частью зрения человека и животных [13, 543], то метафорически называя своего дитя своим оком, шугнанец подразумевает, что мир и счастье он видит в бытие ребёнка, а если в семье нет ребёнка, мир темен, а счастьем не бывает. Таким же образом, если с точки зрения анатомии человека печень является одним из внутренних органов организма человека и некоторых животных, вырабатывающий желчь и служащий для обеспечения обмена веществ в организме [13, 590], то его метафорическое значение в понимании носителей шугнанской культуры - это «воля», «честь», «достоинство». Функция этих двух органов в организме человека очень важна, и при их недостатке здоровье и жизнь человека становятся неполноценными как в их словарном значении, так и в их метафорическом понимании. Вероятно, именно уподобление ребёнка этим двум органам человеческого организма является причиной того, почему бездетную семью считают неполноценной и несчастной. Метафорическое значение *dīdā* широко распространено в шугнанском языке и употребляется в формах *tu yi (du...)* *dīdā* букв.: «моё одно (два) ока», ср.: *Хидоу-и ту-рд ду (yi...) dīdā doḡj* букв.: «Бог даровал мне двух (одного...) ока». Привилегированный статус ребёнка в семье отражается и в клятве именем ребёнка в форме *dīdā*, который

выражается следующим формулировкой: *as xu du dīdā ris-um* – букв.: «да лишусь я оба глаза» и данная клятва считалась настолько сильной, что произносящему её верили беспрекословно.

Вторая глава «Слова и выражения, отражающие обычаи и традиции первых сорока дней после рождения ребёнка в шугнанском языке» охватывает анализа соответствующих лексических единиц родильного обряда, относящиеся к первому периоду после рождения, и включает лексические и синтаксические единицы, выражающие действия, ритуалы, обряды и их участников, а также традиции после рождения. Слова и словосочетания родильного обряда, относящиеся к этому периоду рождения ребёнка, образовали относительно ограниченную и обособленную лексико-семантическую группу, сложившуюся на протяжении веков. Однако со временем одна группа языковых единиц в этой области вышла из активной лексики современного шугнанского языка, а употребление другой группы было ограничено небольшой территорией или заменено новообразованиями. Поэтому анализ слов и выражений, отражающих послеродовой период в шугнанском языке, на основе описания и анализа соответствующих обычаев и традиций может освещать не только лингвистическую ценную информацию, но и этнолингвистическую картину. Диссертантом в данной главе предпринята попытка классификации слов, относящихся к первому этапу рождения, на лексико-семантические группы на основе определения значения, содержания и словообразовательных моделей в этой области. Анализу подвергнуты следующие лексико-семантические группы слов:

- слова и выражения, отражающие психическое состояние роженицы, лиц – участников рода, обычаи и традиции, связанные с процессом рода;
- лексика, выражающая лиц, ухаживающих за роженицей;
- слова и словосочетания, выражающие период рождения и послеродовой этап;
- слова и словосочетания, относящиеся к действию *čil pitêwd* букв.: «сброс сорокадней»;
- слова и словосочетания, связанные с обрядом укладывания новорожденного в колыбель (*ar yūk weḍd*).

В первом разделе данной главы «Слова и выражения, обозначающие *zečā* – «роженицу», действующих лиц и обычаи, связанные с процессом родов» анализируются ряд лексических единиц шугнанского языка четко отражают лиц, которые участвуют в процессе принятия родов, структурное оформление которых отчетливо указывает на роль и действия каждого из участников рода. У шугнанцев в контексте родильной обрядности очень важна роль и влияние отдельных людей на *zečā* – «роженицу» и *kūdak* «ребёнка». Например, роль таких участников как: *pīrzečā* – «повитуха», *zeča-būn* – «женщина, которая ухаживает и помогает роженице до исполнения сорокадневного послеродового срока», *nān* – «мама роженицы», *nof-kun / nof-gār* – «женщина, перерезающая пуповину новорожденного», *sipīd-kun / sipīd-gār* – «человек, который первым кладёт масло в рот младенцу после рождения», *tuudaxoy-kun / tuudaxoygār* – «человек, сообщающий о рождении ребёнка, особенно отцу новорожденного» и т.п. можно определить по структурно-морфологическому составу.

Лексическое значение слова *pīrzečā* в словаре Д. Карамшоева истолковано как женщина, ухаживающая за роженицей [12, 437] и составная часть данного сложного слово *pīr* изначально таджикское и широко распространено в шугнанском

языке, первое значение «старый», а в случае со словом *pirzečā* использовано второе значение этого слово – бывалый, опытный, знающий человек; женщина, которая ухаживала за многими роженицами и приобрела определенного опыта в этой сфере, потому как ухаживать за роженицей не каждому доверяют, только опытной женщиной. В шугнанском языке есть словосочетание *pīri kor* в том же значении «опытный», «знающий свое дело», «мастер». В целом обязанностью *pirzečā* в родильной обрядности является не только принятие рода, но на её плечи также лежал определенный круг действий, в том числе *nof-čīd* – «перерезать пупок», действие которое обозначается лексемой, образованная путем словосложения *nof* – «пупок» и *čīd* – «делать»; следить за правильным выпадением послета *yorak-bačā* – «послед, плацентой, для именованной которой мы также наблюдаем словосложение из *yorak* – «друг», «компаньон» и *bačā* – «ребёнок»; в большинстве случаев повитуха также являлась женщиной, ухаживающая за роженицей и следящая за дальнейшим развитием ребёнка в течении сорока дней после родов, процесс, обозначенный сложным глаголом *zečabūni čīdow* «ухаживать за роженицей» – *zečā* «роженица», *būni* – «охранять» и вспомогательный глагол *čīdow* – «делать».

Слово *zečā* – «роженица» имеет широкое употребление и является продуктивной в плане словообразования. В словообразовательном гнезде данного слова можно наблюдать наличие ряда лексем для обозначения различных явлений, связанных с *zečā* – «роженицей». Рассмотрим следующие слова гнезда: при добавлении суффикса – *gi* и выпадению конечного гласного формируется составная лексема *zečgi*, значение которого в словаре Д. Карамшоева объясняется следующим образом: 1. кушанье для роженицы; 2. период, отрезок времени для роженицы (после родов – до одной недели) [11, 546]; с добавлением отыменного суффикса, образующего имя деятеля, охраняющего что-либо или кого-либо к данному корню образуется лексема *zečabūn (zečā+būn)* для обозначения другой участницы родов – женщины, ухаживающая за роженицей (обычно до *wūvdum* – «до семи дней»); путем присоединения значимой части *-dor* со значением обладающий чем-либо, образуется слово *zečādor (zečā+dor)*, которая обозначает – «дом, где находится роженица»; сложная лексическая единица *pirzečā*, где первый компонент *pīr* – «старый / старая» используется для обозначения повитухи, принимающая роды у *zečā* – «роженицы» и названный компонент отражает не столько старость женщины, сколько её опыт в данном деле. Путем словосложения в шугнанском языке образованы лексические единицы: *zečā harč* – «еда роженицы», *zečgi šamol* букв.: «ветер сорокадневного периода», имеется в виду различные заболевания причинами которых считается простуда в течение сорока дней после родов, *zečgi dawrā* – «послеродовой период».

Действие пеленания младенца после рода в шугнанском языке именуется сложным глаголом *wixtak čīdow (wixtak – «завёрнутый в пеленки ребёнок» čīdow – «делать»)*, где слово *wixtak* обозначает «завёрнутый в пеленки младенец». В других памирских языках наблюдается следующая фонетическая вариативность лексемы *wixtak*: хуф. *wixtak*, ишк. *uštək*, вах. гар., бад. *uštuk* (завёрнутый в пеленки ребёнок), в персидском языке *aštak* – «запеленатый» [12, 400]. М.С. Андреев в связи с этим отмечал, что до недавнего времени горцы использовали старую одежду старших в семье для пеленания новорождённого» [3, 53]. Считается, что старая одежда старших членов семьи приносит ребёнку счастье, удачу и долголетие. Здесь на лицо поверье шугнанцев в магическое воздействие и переход характерных особенностей взрослого человека на новорожденного. Синтаксическую единицу *quwati zamīn tu/turd* букв.: «сила земли тебе» у жителей Шугнана повторяют трижды после

пеленания ребёнка, что демонстрирует другую веру шугнанцев относительно магической передачи силы и благодати земли *kūdak-ard* – «новорожденному».

Сложным глаголом *sipīd čīdow* – «вскармливание ребёнка сливочным маслом» в шугнанском языке обозначают обрядовое действие, совершаемое в первые три дня после рождения ребёнка. Целью действия вскармливания новорожденного ребёнка сливочным маслом в течение трёх дней после его рождения согласно поверьям шугнанцев является смягчение внутренностей младенца. По представлениям горцев Западного Памира, способ *sipīd čīdow* предотвращает нечистоту и тяжесть грудного молока для желудка ребёнка, которое не следует давать ему в течение первых трёх дней после рождения. Однако для укрепления организма ребёнка в эти три дня его кормили несколько раз в день небольшим количеством сливочного масла. В таком способе кормления использовали масло *marūb-rūyan*, приготовленное из сливок, собранных в течение нескольких дней. Слово *sipīd*, вероятно, образовано от **us-paf-*, т.е. *sipif* – лизать, облизывать, сосать, впитывать [20, 87]. В других памирских языках встречается со следующим фонетическим вариативностью: шугн., руш., хуф., барт., рош. *sipāf-*, сар. *s(i)po-*, язг. *s(ə)pa-*, ишк. *spof-* «сосать, впитывать» [20, 328]. Вероятно, исходя от действия высасывания масла с пальца женщины ребёнком, в последствие формировалась адаптированная шугнанская форма *sipīd*, от основы настоящего времени *sipof* «сосать». Следовательно, данный сложный глагол происходит от названия самого действия, где наблюдается чередование согласных *f* и *δ*: *sipīf čīdow* – *sipīd čīdow* (от слова *sipīftow*). В словообразовательном гнезде с вершиной *sipīd* мы наблюдаем несколько лексических единиц как для обозначения предмета и объектов действия: *sipīdčārv* (*sipīd+čārv*), *sipīdkun* (*sipīd+kun*)/*sipīdgār* (*sipīd+gār*)), так и самого действием *sipīd čīdow*. Все лексемы данного гнезда для обозначения предмета и субъекта действия являются сложными существительными, а также для самого действия сложным глаголом.

Ряд лексических единиц шугнанского языка отражают традиционные знания шугнанцев относительно различных детских заболеваний и их методик лечения. К таким единицам можно отнести следующие выражения шугнанского языка: *xidčak sidow* – «покраснение тела (младенца)», *kolak δédow* – «нанести неглубокие надрезы на спине, груди и вокруг пупка», *kūm wirextow* или *kūm δédow* – «нанести разрезы в области нёба», *pīli čīdow* – «воспалиться», *pīli zēxtow* букв.: «брать воспаление». Приведенные лексические единицы указывают также на тот факт, что незнание точных причин беспокойств новорожденного и отсутствие доступа к профессиональной медицине формировали разного рода практик и методик самостоятельного лечения младенца среди шугнанцев.

Второй раздел данной диссертационной работы «Слова и выражения, отражающие послеродовой период – «*bādi ziryot vīd/ow*» и связанные с ним обряды» охватывает лексические единицы, отражающие послеродовой период. В шугнанском языке период после рождения ребёнка – «*bādi vīdow*», который измеряется промежутком в сорок дней, выражается лексическими единицами *čillā*, *čillagi dawrā*, *zečgi*, *zečgi dawrā*. Анализ и разбор лексических единиц этого раздела показывает, что символические числа являются одной из отличительных особенностей лексем данного раздела. Такие символические числа как *aray-um* – «третий», *wūvd-um* – «седьмой», являющиеся порядковыми числами, а также число *čil* – «сорок» в составе словосочетания *čil pur sidow* – «конец сорокодневья» могут стать наглядным примером важности чисел в послеродовой родильной обрядности

среди шугнанцев. Следует отметить, что данные символические числа занимают особое место и в других обрядах жителей Западного Памира, таких как свадебной церемонии и похоронной обрядности, однако в рамках данного исследования эти числа рассмотрены в контексте родильной обрядности. В частности, число три – «*arayu*», которое используется в обряде рождения как порядковое число *arayu-um* – «третий», словосочетание *arayu-um meḡ* – «третий день» представляют разные символы и традиции. Наравне с числом три особое место в родильном обряде шугнанцев также занимают два других символических чисел *wūvd-um* – «седьмой» и *čil* – «сорок». В начальном послеродовом периоде, продолжительность которого измеряется сорока днями, совершаются большинство важных обрядов, связанных с *zečā* – «роженицей» и *ziryoṭ vīd/ow* «рождением ребёнка», для именованья, которых мы находим следующие термины родильного обряда: *kāl-zinêd* – «мытьё головы», *būn-dêd* – «посыпания мукой», *zečā daryêvd(t)ow* – «поклонение роженице», *zečā-ti wiḡtak qati nīstow* букв.: «сесть на роженице с запеленатым младенцем, *čil pitêwd* букв.: «выбрасывать сорок» и т.п., которые являются сложными образованиями.

В третьем разделе «Слова и выражения, отражающие ритуал *čil pitêwd* – «выбрасывание сорока» приводятся описание лексических единиц, отражающие завершительный период всего послеродового периода. На основе собранного языкового материала родильного обряда была выделена лексико-семантическая группа, описывающая ритуал *čil pitêwd* букв.: «выбрасывание сорока», который является завершительным периодом всего послеродового периода. В данную лексико-семантическую группу вошли следующие слова и выражения: *čil pitêwd* букв.: «выбрасывание сорока», *čil-gi kurtā* – «сорокадневная рубашка», *čilgī-pūḡok* – «сорокадневная одежда», *čil pur sitow* – «завершение сорокадневного периода», *čilgi mēnat* букв.: «сорокадневный труд» и т.п., которые далее будут рассмотрены в текущем разделе.

Ритуал *čil pitêwd* букв.: «выбрасывание сорока» непосредственно связан с рубашкой ребёнка, который в шугнанском языке именуется словом *čil-gi kurtā* – «сорокадневная рубашка». Анализ языкового материала показывает, что обряд *čil-pitêwd* – «выбрасывание сорока» означает окончание сорокадневного послеродового периода и связанные с ним народные поверья и действия напрямую относятся к рубашке новорожденного. Необходимо отметить, что здесь важен не внешний вид рубашки, которая напоминает самую обыкновенную детскую одежду, а обрядовая составляющая. Если у горных таджиков Памира она называется *čil-gi kurtā* – «сорокадневная рубашка» или *čilgī-pūḡok* руш. *čilgay-pūḡok* – «сорокадневная одежда», в некоторых долинных регионах Таджикистана она известна под названием *kurta-i sagak* – «собачья рубашка» [19, 143]. Метафорическое название «собачья рубашка» сформировано на основе действия, совершаемого перед одеванием в неё ребёнка. Перед тем, как надеть рубашку на младенца, её накидывали на шею щенка или собаки, с надеждой, что малыш вырастет таким же выносливым и ловким, как собака. У жителей Варзоба распространен обычай, шить первую рубашку младенца из старой одежды пожилых людей, при этом подол рубашки не сшивали, чтобы не укоротить жизнь ребёнка [19, 143]. Аналогичную практику мы наблюдаем и у шугнанцев, о котором М.С. Андреев отметил, что в прошлом эту рубашку и пелёнки, в которые пеленали младенца – «*wiḡtak čīdow*» шили из старой одежды старших членов семьи, в основном бабушки и дедушки новорожденного [11, 221]. Согласно данным работы З. Юсуфбековой и Т.С. Каландарова, причина изготовления *čil-gi kurtā* из одежды пожилых людей заключалась в символическом

пожелании младенцу счастья и долголетия [24, 76; 10, 28]. Отличительной особенностью этой рубашки является её название, которое новорожденный носил в период сорокодневья. Для мальчиков данный период был определен на 20 дней, а для девочек на 40 дней, так как считалось, что мальчик проходит сорокадневный послеродовой период за 20 дней, однако период и для него назывался *čil pur sitow* – «завершение сорокадневного периода». Анализ научного материала показывают, что у большинства народов сорокадневный период соблюдается как обряд воздержания, благочестия и защиты роженицы и ребёнка от сил зла. Вероятно, одна из причин определения этих чисел, т.е. двадцать дней для мальчика и сорок дней для девочки, заключалась в том, что мальчики физиологически являются более крупными и сильными, а девочки более хрупкими и нежными. Обряд *čil pitêwd* букв.: «выбрасывание сорока» выполняется на сороковой день. Числительное *čil* в шугнанском языке означает «сорок», но наравне с этим и в словаре Д. Карамшоева данное слово трактуется как термин родильного обряда (как правило, после рождения ребёнка) [13, 358].

Выражение *čilgi mênat* букв.: «сорокадневный труд» также связано с *čilgi kurta* – «сорокадневная рубашка» и отражает завершение цикла сорокодневья, который завершается тем, что после сорока дней *čilgi kurtā-ta ħar tora pitêwen* – «сорокадневную рубашку бросают на куст шиповника». Другой способ завершения периода сорока дней согласно данным З. Юсуфбековой заключается в том, что сорокадневную рубашку младенца зарывают в землю, в надежде, что вместе с ним будут погребены все боли и страдания первых сорока дней его жизни» [24, 77]. На наш взгляд, шугнанцы также верили, что на сороковой день завершаться сорок дней трудностей – *čilgi mênat* букв.: «сорокадневный труд» и, согласно древнему поверью с проведением обряда завершения сорока дней, младенец избавляется от всех трудностей, болезней и влияния злых сил.

Анализ показывает, что упомянутые единицы в большинстве случаев являются сложными глаголами, которые отражают обрядовые действия на период первых сорока дней жизни младенца. Числительное *čil* – «сорок» является ключевой лексемой для формирования лексико-семантической группы, целиком описывающая названный ритуал и основное количество слов, входящих в данную группу, составляет исконный пласт родильного обряда шугнанского языка. Числительное сорок – *čil* также выступает в роли вершины словообразовательного гнезда, где, в частности наблюдаются сложные существительные или глаголы, для именованья обрядовых действий.

Четвертый раздел данной главы «Слова и выражения, связанные с обрядом *ar yûk wedd/ow* – «укладывания новорожденного в колыбель» посвящен обзору слова и выражений, относящиеся к объектам и процессу укладывания младенца. Следует отметить, что в памирских языках для обозначения колыбели существуют различные термины, тогда как на вид она представляет собой широко распространенный среднеазиатский тип колыбели. Ср.: шугн. *yûk*, руш. *šināk*, ишк. *givora*, вах. *givura* – «колыбель». В шугнанском языке слово *yûk* является вершиной словообразовательного гнезда ряда лексических единиц, которые обозначают различные явления и объекты, связанные с колыбелью. В данное гнездо входят следующие слова: *yûk-ak* или *yûk-bic* – «маленькая колыбель», «игрушечная колыбель», *yûk-ej* – «материал для изготовления колыбели», *yûk-têxt* – «процесс изготовления колыбели» *yûk-têx-tj* – «мастер по изготовлению колыбели», *yûk-bûn* и *yûk-nixêb-tj* – «качающий ребёнка в колыбели», «няня», *yûk-bûn-i*, а также *yûk-*

nixébt(ow) – «качание колыбели», *ar yúk-wedd* – «укладывание в колыбель», *be- yúk* – «без колыбели», т.е. ребёнок, которого растили без колыбели.

Обряд укладывания ребёнка в колыбель у народов Западного Памира, в том числе шугнанцев, всегда сопровождался разными родами ритуалов и магических действий, направленных на безопасное пребывание ребёнка в колыбели. Эти ритуалы и магические действия, которые находят свое отражение в лексических единицах шугнанского языка, формировались как в табуированной форме, так и в качестве руководства и наставлений. Обряд укладывания ребёнка в колыбель всегда сопровождался магическим действием разжигания благовонной травы, действие, отраженное в семантике сложного глагола *sitiraxm weddow* «разжечь благовонье». Данное магическое действие предполагало очищение саму колыбель и пространства вокруг неё от злых сил, а также создание благоприятной среды для спокойного развития ребёнка. В семантике выражение *ba bismilo ar yúk weddow* «со словами во имя Бога укладывать в колыбель», который является относительно поздней вербальной формулировкой, также прослеживается замысел отгона нечистой силы и создания положительной ауры колыбели.

Табуированное выражение *yúk-ta xoli najumben-en* «нельзя качать пустую колыбель (без ребёнка)», которое отражает негативное, нежелательное действие и считается очень сильным запретом и твердым наставлением, говорит о вере шугнанцев в плохие признаки качания пустой колыбели. Интерпретация данного табуированного действия варьируется в зависимости от региона к региону и от верований этнических групп. Одни описывают движение пустой колыбели как нанесение вреда здоровью ребёнка (ребёнок заболит расстройством желудка, поносом), другие приписывают пустому качанию колыбели магическое воздействие сил зла, т.е. при качании пустой колыбели злые духи могут укладывать в нее своего ребёнка, на что указывает строгое выражение шугнанского языка *yúkta xoli-ya9 naxében, gandā* «пустую колыбель не качают, это плохо» [17,71].

Выражение *xoli yúkta awezún kinen* «пустую колыбель должны подвешивать» демонстрирует веру и обычай шугнанцев, который до сих пор соблюдается среди носителей культуры. Обычай подвешивания неиспользуемой колыбели на определенной высоте, также берет свои истоки от поверья в укладывании злым духом своего младенца в пустой колыбель, так как согласно народному поверью не подвешенный колыбель является основанием вселения в неё злых духов: дивов, джинов и пери. Аналогию данному верованию можно наблюдать у многих народов Средней Азии, считающие, что неиспользуемую колыбель необходимо подвесить выше двери [17, 83].

Третья глава диссертационной работы «**Табуированные выражения родильного обряда в шугнанском языке**» охватывает анализ выражений и формулировок, указывающие на запрет определенных действий. Табуированное понимание окружающего мира формировалось в далеком первобытном обществе, которое постепенно образовало систему запретов на совершение определенных действий (употребление каких-либо предметов, произнесение слов и т. п.), нарушение которых в понимании различных этносов карается сверхъестественными силами. Данная система запретов регламентировала важнейшие морально-эстетические стороны жизни человека, и обеспечивали соблюдение брачных норм. Веками формировавшееся табуированное восприятие внешних явлений послужили основой многих позднейших социальных и религиозных норм.

В шугнанском языке и культуре в сфере родильной обрядности наблюдаются многочисленные табуированные выражения и формулировки, предпосылкой формирования которых является забота о здоровье матери и ребёнка, а также их защита от негативного воздействия окружающей среды. Следует отметить, что в шугнанском языке существует ряд лексических единиц, использование которых запрещено в присутствии беременной женщины или ребёнка. К таким табуированным выражениям родильного обряда относятся сложные глаголы *luk sitow* – «страдать запором» и *čil sitow* – «рахит», табуизация которых происходила на основе веры, в то, что в доме, где есть беременная женщина или новорожденный ребёнок нельзя произносить данные языковые единицы, ибо роженица и младенец могут заболеть названными заболеваниями.

В культуре и традиции многих народов мира можно наблюдать сильные запреты на совершение каких-либо действий или вербальных формулировок, берущие свои истоки от беспрекословной веры в то, что совершение запретных актов и вербализация запретных слов становится прямой предпосылкой для причинения вреда людям и обществу. Следует отметить, что семантический анализ табуированных действий и лексических единиц родильного обряда показывает, что в разных культурах народов мира большинство из них направлены на создание позитивных и благоприятных условий для удачных родов, хорошего развития, долголетия, счастливой жизни матери и ребёнка, предохранения от любых негативных воздействий людей и злых сил. Система табуированных действий и лексем у народов Западного Памира, в том числе шугнанцев не являются исключением из данного правила.

В шугнанском языке лексема *keḥ* выражает запрет действовать вне обычая и традиции, принятое и адаптированное у шугнанцев. Согласно словарю Д. Карамшоева данная лексема интерпретируется следующим образом: 1) традиция, обычай, примета; 2) запрет. Следовательно, семантически лексема подразумевает и соблюдение традиции, поведение в рамках принятых норм и обычаев. Статья *keḥ* в словаре Д. Карамшоева снабжена следующим примером: *ḫabira ar zečā čīd dedow keḥ* букв.: «ночью запрещено входить к роженице». Отсюда и словообразование, отмеченное в этом словаре *keḥ anjīvdow* – сложный глагол со значением «соблюдение традицию и обычай», «запрет действий вне обычая и традиции» [12, 115]. Очевидно, что слово *keḥ* является общеиранским. Например, в персидском کیش [kīš] означает – 1) религия, вероисповедание, вера. 2) обычай и характеризуется адаптацией фонетическому произношению шугнанского языка, т.е. наблюдается наличие чередования согласных *š* и *ḫ*. В речи носителей шугнанского языка лексема *keḥ* часто используется в составе со словом *parez* “воздержание, отказ от употребления чего-либо”. *Xu keḥ-at parez-at di anjīvd xub-ta saw-i* – «если будешь соблюдать запрет, выздоровеешь».

В ходе исследования языкового материала, связанного с табуированными действиями и словами родильного обряда, лексические единицы с указанием и анализом степени их употребления через призму этнолингвистических особенностей диссертантом были классифицированы по лексико-семантическим группам. В первом разделе «**Табуированные выражений, связанные с беременной женщиной**» подчёркивается, что несмотря на все разнообразие и различие форм и значений запретов относительно *buḫuz ḫinik* – “беременных женщин” в культуре народов мира, их объединяет схожесть общих характерных черт и наличие защитных элементов, направленных на сохранение жизни *zečā* –

«роженицы» и *kūdak* – «новорожденного». Эти характерные черты и защитные элементы отражают страх перед печальными последствиями процессов беременности и родов, с которыми люди сталкивались в течении длительного времени своего существования и приобретения опыта и традиционных знаний. Анализ данных лексических единиц показывает, что родильная обрядность, в силу её тесной связи с продолжением человеческого рода, относительно других сфер жизнедеятельности имеет больше табуированных элементов относительно участников процесса беременности, родов и послеродового периода. Анализируемый языковой материал данного раздела дает основание классифицировать его по двум тематическим группам: 1. Табуированные выражения, отражающие запреты для *buɣuz ʕinik* – «беременной женщины» и *zečā* – «роженицы», охватывающие такие моменты как: запреты, связанные с пространством и временем (*xūmindī tar wêḡāl mā-sitow* – «(роженице) нельзя подходить поздно вечером к краю арыка», *tar ɣām na-sitow* «(роженице) нельзя ходить в дом, где проходит траурная церемония»); запреты, связанные с определенными действиями (*buɣuz ʕinik toqā mā-lākčīdow* – «нельзя оставлять беременную женщину одну»). 2. Выражения, отражающие способы предохранения *buɣuz ʕinik* – «беременной женщины» от негативных воздействий, куда вошли формулировки обозначающие: защиту религиозного характера (*vīstow* – «связывать», «завязывать», и *tixtov ḡēdow* – «дать клочок бумаги с молитвой»); защиту с применением растений и животных (*sitiraxm weḡdow* – «окуривать благовение», *rov biɣ čīdow / vīɣz-and ḡēdow* – «нюхать ферулу // класть под подушку» (ферула кокандская, лат. *Perula socantica*); *to wūvd rūz awlindi kud nigā čīdow* – «держат собаку во дворе до семи дней»; защиту с применением бытовых предметов (*bučkaɣjard vorj laɣum weḡdow* – «класть уздечку коня на балку между двумя столбами памирского дома») и питание, как средство защиты беременной женщины от недуга (*zečā-ta sardi na-xīrt, wam kūdak darmūn-dārḡ-in sūd* – «роженица не должна есть пищу, вызывающая стужу, а то у её ребёнка заболит кишечник»).

Во втором разделе третьей главы «**Табуированные выражения, связанные с послеродовым периодом – «*bādi ziryot vīd/ow*»** охвачены выражения и формулировки, которые указывают на систему ритуалов и традиций послеродового периода. Отношение шугнанцев к родам отображено в семантике лексемы *du-baxt-gi*, который используется для описания момента рождения ребёнка. Данное слово согласно словарю Д. Карамшоева имеет значение «неопределённый», «непонятный» и «заколдованный круг», где к статье даётся следующий пример: *dubaxt-gi kor* – «неопределённая ситуация» [11, 478]. Однако, необходимо уточнить, что слово состоит из двух знаменательных частей: числительной *du* – «два» и *baxt* – «судьба» с суффиксом имен существительных – *gi* на конце, букв.: «две судьбы (дороги)», что в родильном обряде периода родов обозначает, что женщина при родах находится на грани между жизнью и смертью.

Третий раздел «**Табуированные выражения, связанные с обрядом «*nūm-ḡēd/nūm čīd/ow* – «наречения новорожденного»** включает анализ лексических единиц, отражающих те или иные стороны наречения младенца – «*nūm ḡēd/ow / nūm čīd/ow*». Наречение новорожденного именем – «*nūm ḡēd/ow / nūm čīd/ow*» у шугнанцев считается значимым моментом и демонстрируется совокупностью обрядовых действий, проникнутых как суеверными, так и религиозными верованиями данной этнической группы. Имя как идентификатор человека в культуре шугнанского народа в одних случаях имеет связь с духом предков, а в

других случаях относится к защитным средствам от воздействия негативных людей и злых духов. У этой этнической группы существует своя система правил наречения ребёнка именем, которая охватывает как морально-нравственные аспекты, так и обыденно – тривиальные стороны жизни шугнанцев.

Следует отметить, что наиболее распространённой традицией у жителей Западного Памира является наречение новорожденного именами предков, что указывает на культ предков среди этнических групп. Эта традиция, которая обосновывается возрождением имени и души усопшего предка, не утратила своего значения и по сей день. Распространённые метафорические выражения шугнанского языка *nūm sit pi bīr redow* – «имя останется под землей» и *xi nūm –um turd dodǰ* букв.: «отдал своё имя тебе» отражают традицию поклонения духа предка посредством наречения ребёнка его именем. Согласно культуре и верованиям жителей Западного Памира, имена покойных должны сохраняться и передаваться из поколения в поколение. Семантика второго выражения указывает на то, что родители или бабушки и дедушки могут еще при жизни завещать своё имя одному из своих детей, чтобы ими были названы будущие наследники рода. Формулировка *nūm mā-bedow* – «не потерять имя» отражает трепетное отношение шугнанцев к именам покойных родственников, т.е. здесь прослеживается боязнь носителей культуры относительно забвения имени и памяти своего предка.

Анализ лексики, связанной с «*nūm δéd/ow / nūm čīd/ow*» – наречением показывает, что отдельные форманты в составе имен отражают как социальный статус и происхождение ребёнка, так и время его рождения.

Четвертый раздел данной главы «**Табуированные выражения, связанные с *kūdak* – «новорожденным ребёнком»** посвящен анализу слов родильного обряда, которые непосредственно связаны с «*kūdak*» новорожденным младенцем. Ряд табуированных выражений ярко демонстрируют страх и беспокойства шугнанцев относительно нанесения непреднамеренных негативных воздействий новорождённому. Семантический анализ выражений показывает, что основными моментами в них являются запрета на совершения определенных действий и конкретное время совершения действия. В семантике утверждений *xūmindi kūdak tar rūz bīr ma-yédow* – «не отнести вечером ребёнка под продух» и *kūdak xūdm-and bā mā-čīdow* – «не целовать ребёнка во сне», подчеркивается важность времени и момента не совершения указанных в них действий. Относительно первого выражения существует вера в то, что, к вечеру все ангелы, наравне с ними и нечист, собираются над продухом традиционного памирского дома, который находится на крыше, поэтому нахождения ребёнка под ним в это время опасно и сильно запрещалось. Во втором случае, согласно утверждением шугнанцев, целовать ребёнка во сне ведет к сокращению его жизни, поэтому во время сна данное действие считалось табу. Табуированное выражение *kūdak noxūn mā-zêxtow* – «не стричь ногти ребёнка» отражает обычай запрет стрижки ногтей ребёнка до годовалого возраста, так как традиционно считалось, что ногти ребёнка стригут сами ангелы – «*firiχta-yeu*».

Табуированные лексические единицы данной главы характеризуются своими семантическими и грамматическими особенностями. Отличительными особенностями ряда выражений, определяющие тот или иной запрет, является наличие отрицательных частиц *ma-/na-* «не», которые и придают значение табуированности фразам и формулировкам. Каждым выражением данной главы демонстрируется обряд или ритуал родильного обряда, отличающийся своей

этнографической информативностью, и уходящий своими корнями в далекое прошлое. Большинство из табуированных выражений указывают на традиции, формировавшиеся задолго до появления Ислама на мировую арену, и только незначительное количество лексических единиц отражают ту или иную исламскую традицию. Встречающийся синкретизм поверий и обрядов данной главы говорит о сосуществовании разнородных воззрений и элементов в культуре шугнанского народа.

В заключение диссертации подведены основные итоги исследования лексики родильного обряда шугнанского языка.

Следует отметить, что отсутствие в памироведении исследовательских работ относительно лексики родильного обряда шугнанского языка в ракурсе миропонимания шугнанцев являлось основным толчком для настоящей диссертационной работы. Лексика, связанная с рождением ребёнка шугнанского языка, если с одной стороны, действует как обрядовая лексика, то с другой стороны, большое количество лексических единиц родильной обрядности функционируют и в бытовой жизни шугнанцев, и входят в состав общего фонда языка. На основе анализа лексики родильного обряда шугнанского языка был выявлен ряд специфических особенностей соответствующих лексико-семантических групп. С одной стороны, лексика, связанная с рождением ребёнка в шугнанском языке, характеризуется наличием богатого синонимичного ряда, охватывающий все три основные анализируемые нами периоды: беременность, период рождения и послеродовой период. С другой стороны, данная часть языкового фонда является менее активной и отличается полным или частичным отсутствием таких категорий, как полисемия, омонимия, антонимические смыслы, а также наличием незначительного ряда эвфемистических значений, функционирующие для защиты матери и ребёнка от влияния, как внешних факторов, так и воздействия злых духов.

Рассматриваемые лексико-семантические группы данного обряда отличаются сходностью структуры по всем главам диссертационной работы. Схожесть структуры заключается в том, что в семантике лексических единиц прослеживается объект, над которым или посредством которого совершается то или иное магическое действие, участники ритуала, а также сами обрядовые действия. В данном случае объектом, над которым совершаются ритуальные действия, в большинстве случаев является новорожденный, а в некоторых других ситуациях роженица.

Несмотря на то, что значительную часть лексики родильного обряда шугнанского языка составляет пласт исконных лексических единиц, со временем и со сменой поколений, данный пласт стремительно уступает свое место заимствованному пласту или описательным новообразованиям, которые уже не демонстрируют обрядовое составляющее. Многочисленные лексические единицы родильного обряда, пополнив ряды архаизмов, на данном этапе развития неузнаваемы со стороны молодого поколения и даже среднего поколения носителей языка. В некоторых синонимичных рядах, если все еще наблюдается равное ситуативное применение составляющих единиц, однако доминирующую роль занимает заимствованная лексема, что согласно анализу языкового материала, сильно связано с социальными изменениями в обществе. Поэтому очевидно, что для языков, обладающих письменной литературой изменения исторического, социального и языкового характера представляют меньший риск. Для бесписьменных языков наоборот, подобные языковые сдвиги являются

необратимыми факторами изменения лексического состава языка с последующим ущербом исконному пласту.

Лексика родильного обряда шугнанского языка содержит важные культурологические сведения о процессе рождения ребёнка, общественной жизни и отражает особенности народных традиций. Практически все лексические единицы родильного обряда демонстрируют традиционные знания предков шугнанцев и отражают их мировоззрение относительно касающегося вопроса. Если, с одной стороны, ряд традиционных знаний и обрядов имеют реально-объективную основу, то с другой стороны, ряд из них основан на суевериях данной этнической группы.

Термины родильного обряда демонстрируют эстетические аспекты и видение взаимоотношений природы и человека. Эти лексические единицы отражают традиционный опыт и знания шугнанцев о рождении, уходе и воспитании детей, которые формируют особую систему жизнедеятельности этноса. Через призму выражений и формулировок прослеживаются представления гендерного вопроса носителями шугнанского языка, которые в большинстве случаев носят религиозный характер. Несмотря на то, что у жителей Шугнана почти одинаковое отношение к рождению девочки или мальчика, анализ фраз и выражений показывает, что преимущество и желание иметь сына, особенно для отца, явно ощущается.

На основе проведенного анализа было выявлено, что негативно маркированная семантика ряда слов и выражений является еще одной характерной чертой лексических единиц родильного обряда шугнанского языка. Например, негативно маркированная лексема *buuz* – «беременная» полностью заменила свои синонимы *zalūdor* – «иметь нужды», *wazmin* – «тяжелая», *dujūn* – «двудушная» и вывела их из употребления.

С точки зрения морфологической структуры языковой материал родильного обряда неоднороден и характеризуется наличием разнообразия способов словообразования, в частности наравне с простыми лексическими единицами встречаются множество слов, образованных суффиксальными способами, словосложение и примыканием. Такие лексические единицы родильного обряда как *zeṣā* – «роженица», *sipīd* – «первое кормление ребёнка маслом», *ṣil* – «сорок», а также *yūk* – «колыбель», образуя словообразовательные гнезда, отличаются своей продуктивностью.

Отличительными особенностями ряда выражений, определяющие тот или иной запрет, является наличие отрицательных частиц *ta-/na-* «не», которые и придают значение табуированности выражениям и формулировкам родильного обряда шугнанского языка. Ряд табуированных выражений отражают традиции, формировавшиеся задолго до появления Ислама на мировой арене, и только незначительное количество лексических единиц отражают ту или иную религиозную исламскую традицию. Наблюдаемый симбиоз поверий и обрядов до исламского и исламского периода говорит о мирном сосуществовании разнородных воззрений и элементов в культуре шугнанского народа.

Единицы, относящиеся к этому жизненному циклу шугнанцев, также являются отражением разновидностей знаний и средств традиционной медицины, широко используемых среди народа. Некоторые из этих традиционных знаний, особенно лечение новорожденного, не имеют ни медицинских, ни религиозных подтверждений и отражают своего рода анимистическую практику народной медицины, что, конечно обосновывается недостатком знаний о детских болезнях и высокой детской смертностью от различных заболеваний.

На основе анализа лексем и выражений были рассмотрены функции цикла родильных обрядов в традиции шугнанцев, которые показывают, что все три периода родильного обряда: внутриутробное пребывание ребёнка, его рождение и послеродовой период являлись значимыми периодами. Семантический анализ лексических единиц трех глав свидетельствует о том, что родильные обряды шугнанцев отличаются своей систематичностью.

Анализы показывают, что особое место среди единиц родильного обряда занимают запреты в форме табуированных выражений шугнанского языка, которые носят как защитный, так и воспитательный характер. Система запретов родильного обряда в шугнанском языке также характеризуется своей общностью с системой запретов для всех членов шугнанского сообщества, а порой и для всех народов Западного Памира, однако в родильной обрядности значение анализируемых нами табу и запретов усиливается в двойне, так как согласно утверждениям носителей языка, беременная женщина как физически, так и ментально становится слабее и уязвимее как перед негативом, исходящим от человека, так и от злых духов.

Анализ языкового материала родильной обрядности также показывает, что прослеживается наложение характерных запретов и на процесс наречения новорожденного, где табуированные выражения отражают страх перед духами предков, что свидетельствует о некогда существовании культа предков у шугнанцев.

Большинство магических действий родильного обряда шугнанцев уходят своими корнями в глубокую древность и берут своё начало у политеистических верований. Любая вера в сверхъестественные и суеверные силы заставляла древних народов вырабатывать определенные правила поведения по отношению к ним и, опираясь на эти базовые знания защищать себя и своих близких. Очевидно, что обычаи и традиции родильного обряда носят защитный характер, и причиной их формирования является бессилие человека перед природными и физическими явлениями, а их главная задача была сохранение жизни и здоровья матери и ребёнка.

Способы и выражения обрядов и действий, связанных с рождением ребёнка, в шугнанском языке осуществляются посредством различных лексико-грамматических элементов, а с точки зрения употребления относятся к разным грамматическим формам. Следующие морфологические и синтаксические элементы играют важную роль в образовании лексики родильного обряда: посредством абстрактных существительных, посредством вещественных существительных, посредством собственных имен существительных, посредством прилагательных, посредством сложных составных глаголов, посредством различных атрибутивных выражений, посредством различных глагольных фраз, посредством фразеологических единиц, посредством разных типов простых предложений, посредством разных типов сложных предложений.

С точки зрения происхождения лексики родильного обряда также является не однородной, доминантной и все еще исконным пластом лексики, однако наблюдается и большое количество заимствованной лексики. Историко-сравнительный анализ этого слоя лексики шугнанского языка показывает, что по происхождению и принадлежности языка он образовал следующие слои: собственные лексические единицы шугнанского языка, собственная лексика шугнанского и рушанского языков, собственная лексика памирских языков, собственная лексика восточноиранских языков, общеиранская лексика, заимствования из таджикского и персидского языков, заимствования из тюркских языков, заимствования из русского языка.

Этнолингвистическое изучение шугнанского языка осуществляется в ракурсе материальной и духовной культуры народа. Анализ языкового материала показывает, что восприятие действительности и духовный мир носителей культуры претерпел определенную семантическую эволюцию. Восприятие реального мира носителями языка в их сознании кодифицирует определенные внешние явления на уровне языка, тем самым находит свое отражение в языковых единицах. Способ выражения материального и духовного мира в языке выражается в соответствии с внутренними законами языка, при котором язык в зависимости от своих внутренних возможностей создаёт новые семантические поля.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулхамидова П.Ш. Лексика народной медицины шугнанского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / П.Ш. Абдулхамидова. – Душанбе, 2006. – 20 с.
2. Аламшоев М.М. Шугнанская животноводческая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении / М.М. Аламшоев. – Душанбе: Помир, 2007. – 237 с.
3. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-дарьи) / М.С. Андреев. Вып. 2. – Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1958. – 526 с.
4. Бахтибеков Т. Грамматика шугнанского языка / Т. Бахтибеков. – Душанбе: Дониш, 1979. – 146 с.
5. Броимшоева М.К. Боварҳо ва таъбирҳо дар забонҳои шугнонӣ-рушонӣ: таҳлили этнолингвистӣ / М.К. Броимшоева. – Душанбе, 2012. – 191 с.
6. Додыхудоева Л.Р. История основ шугнанского глагола: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08 / Л.Р. Додыхудоева. – М., 1983. – 183 с.
7. Додыхудоев Р.Х. Материалы по исторической фонетике шугнанского языка / Р.Х. Додыхудоев. – Душанбе: М-во нар. образования Таджик. ССР., 1962. – 52 с.
8. Зарубин И.И. Рождение шугнанского ребёнка и его первые шаги / Сборник В.В. Бартольд / И.И. Зарубин. – Ташкент, 1927. – С. 361-370.
9. Каландаров Т.С. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование) / Т.С. Каландаров. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. – 478 с.
10. Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь в трех томах / Д. Карамшоев. Т.1. – М.: Наука, 1991. – 575 с.
11. Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь в трех томах / Д. Карамшоев. Т.2. – М.: Наука, 1991. – 615 с.
12. Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь в трех томах / Д. Карамшоев. Т.3. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 568 с.
13. Матрбобов С.К. Лексика традиционных игр ваханцев в этнолингвистическом освещении: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.22 / С.К. Матрбобов. – Санкт-Петербург, 2005. – 162 с.
14. Моногарова Л.Ф. Семейная обрядность таджиков и арабов Самаркандской области Узбекистана (полевые материалы 1960-1962) / Л.Ф. Моногарова // Сборник. Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. – Москва, 2002. – 292 с.
15. Назарова З. Этнолингвистический анализ лексики, связанной с рождением и наречением ребёнка (на материале ишкашимского языка) / З. Назарова // Вопросы филологии. – 2007. – № 2 (26). – С. 55–66.
16. Начкебия М.С. Лексика народной медицины в Абхазском языке / М.С. Начкебия. – Сухуми, 2013. – 248 с.
17. Некушоева Ш.С. Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики шугнано-рушанской группы памирских языков: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Ш.С. Некушоева. – Душанбе, 2010. – 178 с.
18. Неменова Р.Л. Таджики Варзоба / Р.Л. Неменова // Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониш. – Душанбе: Дониш, 1998. – 250 с.
19. Стеблин – Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка / И.М. Стеблин-Каменский. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 478 с.
20. Таджики Каратегина и Дарваза. Т. 3 // Под редакцией Н.А. Кисляков и А.Л. Писарчик. – Душанбе: Дониш, 1976. – 256 с.
21. Толковый словарь таджикского языка. Т.1. – Душанбе: Ксероксленд, 2008. – 949 с.

22. Толковый словарь таджикского языка. Т.2. – Душанбе: Ксероксленд, 2008. – 944 с.
23. Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XX века) / З. Юсуфбекова. – Душанбе: Шарки Озод, 2015. – 220 с.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях автора:**

**I. В рецензируемых научных журналах рекомендованных ВАК
Министерство науки и высшего образования Российской
Федерации**

1. Назаршоева Ч.Р. Этнолингвистический анализ лексики родильного обряда в шугнанском языке / Ч.Р. Назаршоева // Известия Академии наук Республики Таджикистан. – 2019. – № 4 (257). – С. 230-235.
2. Назаршоева Ч.Р. Этнолингвистический анализ поверий, связанных с рождением ребёнка в шугнанском языке / Ч.Р. Назаршоева // Известия Академии наук Республики Таджикистан. – 2020. – № 2 (259). – С. 152-155.
3. Назаршоева Ч.Р. Некоторые запреты и поверья, связанные с обрядам *kälzined* «мытьё головы рожениц» в шугнанском языке (этнолингвистический анализ) / Ч.Р. Назаршоева // Вестник педагогического университета. – 2020. – № 1 (84). – С. 76-79.
4. Назаршоева Ч.Р. Отражение статуса и отношения к ребёнку в шугнанских языковых единицах / Ч.Р. Назаршоева. // Известия Академии наук Республики Таджикистан. – 2021. – № 2 (263). – С. 215-220.

II. В других журналах и изданиях

5. Назаршоева Ч.Р. Некоторые высказывания о табу, относящиеся к рождению ребёнка в шугнанской культуре / Ч.Р. Назаршоева // Вопросы гуманитарных наук. – 2019. – № 4. – С. 40-47.
6. Назаршоева Ч.Р. Этнолингвистический и сравнительно-исторический анализ слов, связанных с рождением шугнанского ребёнка / Ч.Р. Назаршоева // Гуманитарный трактат. Кемерово. – 2019. – № 39. – С. 127 – 134.
7. Назаршоева Ч.Р. Шугнанские слова, связанные с укладыванием ребёнка (этнолингвистический анализ) / Ч.Р. Назаршоева // Актуальные проблемы иранской филологии (сборник материалов международной научной конференции). – 2018. – С. 248-255.
8. Назаршоева Ч.Р. Статус бездетной женщины в традиционном обществе шугнанцев / Ч.Р. Назаршоева. // Вопросы гуманитарных наук. – 2021. – № 2. – С. 186-194.
9. Назаршоева Ч.Р. Воҳидҳои забони инъикоскунандаи расми номгузорӣ ба тифли навзод дар мардуми Шугнон / Ч.Р. Назаршоева // Донишманде аз водии Язгулом (ба ифтихори 75 – умин солгарди профессор Исмоил Раҳимӣ). – Душанбе: Сифат-Офсет, 2021. – 112 с.
10. Назаршоева Ч.Р. Лексико-семантические особенности единиц, связанных с рождением ребёнка в шугнанском языке / Ч.Р. Назаршоева // Вестник хорогского университета. – 2021. – № 2 (18). – С. 14-24

Подписано в печать 25.10.2022.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 1,7. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в ЗАО «Босифат-2018», Таджикистан, ГБАО, г.Хорог,
ул. М.Худоназарова, 10
e-mail: pronosir@gmail.com